

Беляева Алина

8 кл., г. Белгород

РОДОСЛОВНАЯ СЛЁЗ РОССИЙСКОГО ПОЭТА МИХАИЛА СОПИНА

*Не познав
Родословную Родины,
Не поймёшь
Родословную слёз.*

Двадцатый век стал веком величайших достижений человеческой мысли и веком двух мировых войн, унёсших непостижимо огромное количество жизней. Это век бесконечных разговоров о правах и свободах человека, и век разгула терроризма. Век победного марша на пути к «светлому завтра» через страшный «сломя тридцать седьмого», кровь и смерть сороковых, и «агония триумфа» девяностых. Как всё это понять, осмыслить, принять?

Всё это происходило на моей земле, с моей страной, с моей мамой, моими родными. Нет, мою семью не коснулись сталинские репрессии. Моя мама рассказывает о своём счастливом пионерском детстве в шестидесятые, о прекрасных учителях, о бурной комсомольской юности семидесятых, о студенческих строительных отрядах. И немножко грустнее, с какой-то долей стыда, о работе в районной организации общества «Знание». Потом переломные девяностые; семья впряглась в предпринимательство – вытянули, выжили.

«Мама, почему пришлось «выживать», а не жить?», – как-то спросила я.

В ответ она дала мне сначала очерк Татьяны Сопиной «Мальчик с Огненной дуги» о детстве поэта Михаила Сопина, а потом его поэму «Агония триумфа».

Оксюморон «агония триумфа» поражает точностью определения событий исторического разлома девяностых прошедшего столетия. Читать строки поэмы Михаила Сопина нелегко, порой просто невысимо. Мне было трудно понять многое из написанного, помогла мама и особенно Татьяна Петровна Сопина – вдова поэта, с которой у нас сложились тёплые отношения. Многие ещё предстоит понять, и не только мне, всем нам, жителям России. Свою поэму Михаил Сопин собирал из того, что было написано раньше. Она – итог его творчества. Всё, что он хотел рассказать нам, будущим поколениям.

*Как такое возможно –
Полвека бесправья, обмана?
Мял конвейер судейский:
Вне шеренги – подонок, бандит.
Деспотия плодит
Палачей, стукачей, атаманов,
Коммунистов-слепцов,
Людоедов идейных плодит.
День за днем,
Год за годом
Хлобьцуют то страхом, то смутой.
Как без солнца цветы –
Слюденеют хрусталики глаз.
Величайший талант –
Беззаконье с законом не спутать,
Чтобы вера в Отчизну
Звериной тоской не сожглась.*

Свою жизнь и своё творчество Михаил Сопин понимал как необходимость видеть и мыслить: «Я буду жить и писать, писать и жить. Величие поэта не в том, чтобы попугивать правительство полунамёками и потешать публику полупонятной полуправдой, а в том, чтоб, оторвавшись от мёртвого груза времени, упасть лицом между тем и другим, по которому пройдёт и не погибнет живая человеческая мысль».

*Да, есть страх,
Есть ответственность:
Вдруг я о чём-то забуду,
А потом обленюсь,
А в душе, в глубине – отрекись!
В безымянных степях
Голубые глаза незабудок
Тех, с кем хлеб я делил.
Откажись – не прощай меня, Русь.*

*Здесь я в детстве летал!
И в нежнейшем раKITовом лепете
Есть мой радостный голос.
Так большие теперь не поют.
Злые силы меня превратили
В ослепшего лебедя
И пустили на волю,
Навек осквернив мой уют.*

В «ослепших лебедей» превращались в советские времена многие. Вера в святое дело революции постепенно превращалась в боязнь быть неправильно понятым. Кто думал не так, как надо партии, тому место было в лагерях, на поселении. Из поколения в поколение люди боялись всё больше, и страна победителей постепенно превращалась в страну боязливых. Немногие согласятся с этим. Это одна из многих точек зрения. Но ведь нынешнее поколение молодых – это в основном люди безразличные. Пофигизм – болезнь нашего общества. Наблюдаю в школе: любимое выражение: «А почему я?» К счастью, в БИЮЛИ, где я сейчас учусь, обстановка иная. Мои одноклассники более или менее активные ребята. И это радует.

* * *

Михаил Сопин родился в 1931 году на Белгородчине, в семье, где кого только не было: махновцы и дроздовцы, красные командиры и крестьяне. Внутри семьи – фронт, и это не могло не отразиться на формировании личности будущего поэта.

*За недалю и волю,
За бред многовечных туманов
Перепуталось все:
Москали. Голодрань. Казаки.
Каждый в землю ложился –
За землю,
За жизнь – без обмана,
За единственную – до захлеба –
Штыками в штыки.
Где ж истоки мои?
Частью вытравлены, частью помню:
Мои предки – оттуда,
Где пелось и плакалось всласть.
Разливался «максим»,
Гоготали махновцы, как кони,*

*Баишыки с головами
Разбив о советскую власть.
Ради вдовьих платков?
Я по траурным по полушалкам –
Семь дедов, подсчитал,
Семь дедов моих в землю легло.
Я же плоть их и кровь,
Безысходно, и тяжко, и жалко.
Отпалили друг в друга.
Отпластались – клинки наголо.*

В разгар голода 1933 года семья переехала в Харьков. Отец стал работать испытателем танков на Харьковском танковом заводе. Михаил с сестрой и младшими братьями попеременно жили то у бабушки в селе Ломное Курской (ныне Белгородской) области, то в Харькове, в крупном индустриальном центре. В 1937 году отец был арестован и умер от туберкулёза. Для семилетнего мальчишки это было огромным потрясением.

А потом – война.

Война сокрушила надежды, убила детство, смешала с землей города и сёла, уничтожила миллионы жизней, заставила замолчать песню.

*Я шёл в ненастья той поры,
Когда страна была в несчастье
С коротким именем –
Война.
И я –
Под бомбами,
За мамой
Кричал в пространство:
«Отче наш!»
Но отче
Изгнан был из храма.
Ползли нерусские кресты,
Глотали танки жизнь и вёрсты...*

*Слепой, истошный вопль в овсе –
Шли танки с трёх сторон.
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон.*

В стихах поэт молит кого-то: «Подмените меня, замените», плачет по «обгоревшему детскому счастью», горько сокрушается: «Сколько мы оставили убитыми, так и не успев похоронить», предупреждает:

*Все игрища взрослых на свете
проходят по детским костям.*

Село Ломное, Головчинский лес стали очередным «котлом» – местом, через которое с 18 по 25 октября 1941 года с ожесточёнными боями выходили из окружения части 1-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерала И.Н. Руссиянова.

По свидетельству генерала Руссиянова, «гужевой транспорт был единственной тягловой силой, так как из-за постоянных дождей дороги раскисли, и весь автотранспорт, артиллерийские установки приходилось буквально выносить на руках из-за раскисшей от постоянных дождей грязи».

Дождь 41-го года и в стихах Михаила Сопина встречается довольно часто:

*...Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью
Октябрь напоен.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце мое.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.*

«Едкая гарь» расплзлась от сожжённого хлеба, который уничтожали административные органы, чтобы он не достался врагу.

*Без слов, без гранат, без атаки,
Вслепую – какая там связь! –
Ложились под бомбы и танки,
Российской землёй становясь.*

Мы привыкли говорить об армии победителей и освободителей. Но в стихах Михаила Сопина я увидела другую войну.

*В пилотке со звездой, зеленой,
В х/б, каленном добела,
Я полз и плакал, в жизнь влюбленный,
По роще, прахом запыленной,
Где рота смертная легла...*

«Моя армия – это армия 1941 года – начала 42-го. Моя армия – отступавшая. А вот та, которая пошла в наступление – это уже не моя армия. Удивительно, я так устроен: болею за команду, которая проигрывает. Они ближе, понятней»

«Солдаты 41-го года, сложившие свои головы на алтарь грядущей Победы» навсегда оставили свой неизгладимый след в душе Миши Сопина, с ними связаны его боль, за них плачет его душа:

*У глухого предместья –
Где дымился большак –
Поднялась
В поднебесье
Черным взрывом
Душа.
Даже столбик
Не воткнул
В могильный провал.
Проросла
Сквозь пилотку
Бессмертник-трава.*

«И сегодня о них я молчать не могу!»

Их кровью обильно полита моя земля. Сколько их? Тысячами они остались лежать без погребения, непомянутыми, неизвестными. И сейчас на братских могилах не найти их имён. На сайте управления культуры Белгородской области есть списки всех захоронений в братских могилах области. По Грайворонскому району все захоронения датированы 1943 годом. 1-я Гвардейская дивизия, по свидетельству генерала Руссиянова, имела личный состав численностью до 14 тысяч человек. После Сумско-Харьковской операции, отступая через Грайворонский район с 14 по 24 октября 1941, Руссиянов напишет в своём докладе: «Боевой состав батальонов составляет на сегодняшний день в среднем 40-50 человек. Дивизия в данный момент имеет всего только 586 активных штыков». Поистине костями погибших усеяна моя земля.

*И тягостно от лжепричастья
Словес:
«Никто не позабыт!»
Кричу,
Но мне не докричаться:*

*Кровавым грунтом
Рот забит.
И слышу без вести пропавших,
Их мысли шепчут ковыли:
«Ответь, что там за жизнь
У близких наших?
Скажи,
Не зря мы полегли?»*

Мы должны восстановить справедливость и по достоинству оценить их страдания. Без них не было бы Дня Победы.

Во время войны люди чётко отличали, где свои, где чужие. Кто-то служил на стороне немцев, но основная масса населения, особенно подростки, чётко знали: немцы – это враги, они пришли на нашу землю завоевателями. И их надо уничтожать. Но война с фашистами кончилась. И началась со своими.

* * *

Все стихи Михаила Сопина о войне написаны на высочайшей ноте сострадания ко всем, кто претерпел адские муки, соприкоснувшись с той войной и послевоенной разрухой и репрессиями. Состраданием продиктованы все слова о мальчишках военных лет:

*Боль и правда –
Заплата к заплате.
С переломами давней вины
Он живёт во мне,
Мальчик в бушлате,
Напряжённый,
Как совесть войны.*

Мальчишки военной поры, мечтавшие о подвигах и славе, отчаянно бросавшиеся в огненную лавину войны, бездумно рисковавшие своими жизнями, испытывавшие чувства мучительного голода и смертельного страха, видевшие кровавую мясорубку массового убийства, пытались не только выжить, но ещё и что-то делали: помогали раненым, были проводниками для выходящих из окружения, собирали оружие, пытались достать еду. В деревне все, кто помнят Мишу Сопина, говорили нам: «Баловный был...» В слово «баловный» деревенские жители вкладывают смысл: неуправляемый, сам себе хозяин. Без-

думная храбрость, попытка самоутвердиться, мальчишеская тяга к оружию рождалась не из-за идейных порывов, а из-за вируса романтизма, заложенного в основе мужской природы. Тяга к оружию, взрывам, огню... А тут чуть копни, достанешь и порох артиллерийский, и патроны, и гранату, и мину, а подчас и автомат, винтовку...

*Подрывались,
Пропадали.
Стыли.
Многих ветер в поле отпевал.
Даже до жестокости простые
Жизни той не выразят слова.
Жил и я.
Страдал,
Как всё живое.*

Кончилась героика военных лет, и образ послевоенного мальчишки раскрывается нам со всех сторон на фоне горькой и страшной действительности. «Нас нужно было призывать к порядку – натренированное на бойне поколение огольцов самого удалого возраста, которым ничего не страшно. Те, кто старше – шли в бой под присягой. Маленьким еще предстояло войти в жизнь под контролем взрослых. А у нас за спиной ничего, кроме собственных понятий о чести и морали. Кто-то оружие хранил, но ведь кто-то и применял. Типичный случай: на танцплощадке пошел не с той девушкой, выстрел – убитый есть, а убийцы нет, все разбежались...

Думаю, и меня тогда надо было наказать, но не так жестоко». (Авторская запись к книге «Пока живешь, душа, люби...»)

*Нас по поздней морали
Не раз и не два обокрали
Грязью чистых анкет,
Дефицитом любви и тепла.*

Многомиллионной армии безотцовщины скоро нашли «достойное» применение. Вся оккупированная территория была разрушена. Её надо было восстанавливать любой ценой, откуда-то взять армию новых строителей, которые бы валили лес, долбили руду, клали кирпичи...»

Вот тогда и появился знаменитый и неизвестный ны-

нешнему поколению Указ от 4 июня 1947г. «О борьбе с хищением государственного и частного имущества». И тысячи молодых и не совсем старых отправились валить лес. Среди них были и настоящие преступники. Да, были. Но разбираться особо было некогда.

На предприятиях шли собрания, лекторы гремели гневными речами, набирали мощь групповые судилища. Распалась «общественное мнение», а о «попутно» осужденных и по ошибке казненных скромно умалчивалось.

По словам Михаила Сопина, «шла гражданская война против собственного народа.

Но параллели приходили на ум раньше, чем это было осознано обществом после крушения Советского Союза. «В числе послевоенной пацанвы я был ввергнут в двойной обман. Школа рабизма втягивала человека в мясорубку, да еще заставляла соглашаться, что эта карта справедливая, что он преступник. И чем доверчивей, беззащитней был осужденный, тем сильнее он верил в свою преступность.

Сотни порченных пацанят сгоняли вместе, принуждали надеть на себя личину лагерников. Им ничего не оставалось, кроме как ощущать себя... волками. Повторяю – среди тех, кто попадал в облавы, были и воры, и насильники. Но не все. А давали всем – кому пять, кому десять, кому двадцать пять. От имени народа...»

*Признак нашей любви –
Неумная жажда увечий:
Лишь добив до конца,
Начинаем жалеть и щадить.
К вам мой голос, потомки,
Сейчас, в лихорадочном спринте,
Все по той же системе
Ведут словоблуды войну.
Продолжающих жизнь
Заклинаю:
Холопство отриньте,
Чтоб не мыкать сынам
Тягомотную нашу вину.*

Вот так и «разметало сиротские рати по разломам военной земли», но «сколько бы потом ни выпало бед и горя, душа осталась «вольна, как в небе птица».

Сын своих степей, поэт Михаил Сопин не может забыть «запах русских сёл, родимое, не выцветшее детство».

Он не отделяет себя от России, он – маленькая искорка, живая частица своей Родины.

*Величайший талант –
Беззаконье с законом не спутать,
Чтобы вера в Отчизну
Звериной тоской не сожглась.*

В этом порочном мире, где столько зла, унижений, скорби и грязи, ещё может вырасти и расцвести цветок любви. Но это случится только тогда, когда мы все свернём с гибельного пути разрушения нас самих.

*Кто в ответе за всё?
Только хлопают крыльями совы.
Только траурный ворон
Над детством распятым кричит.
Над Россией ворон,
Стал спутником русского поля.
То ли он ненасытен,
То ли мы заблудились в «добре».*

Но удивительное в том, что, пройдя эту мясорубку, Михаил Сопин не утратил самого главного: сострадания. Яркий тому пример стихотворение «Корова»

*Дым ползёт от хвороста сырого,
Виснет на кустах недалеко.
Бабкина пятнистая корова
Тащит в дождь меня на поводке.
Листика коричневого орден
Прилепился на её губу,
И слезинки катятся по морде
За мою сиротскую судьбу.
Я гляжу надуманно-сурово
И в который раз, кривя душой,
Говорю ей: «Ты не плачь, корова,
Ты не плачь... Я вырасту большой!
И тогда ходить тебе не надо,
В вымокшее поле глаз кося,
Да и мне в колдобинах не падать,
В сапогах солдатских грязь меся».*

В образе коровы угадывается малая Родина, которая тащит мальчишку в дождь – в холодную, промозглую серость жизни, и плачет над его и своей горемычной судьбой. А взрослый поэт, стиснув зубы и кулаки, сквозь

сдавленные рыдания утешает её (и себя), обещая, что когда он вырастет большой (когда вместе со всеми прозрелыми он поднимется над людской злобой и низостью), он сможет изменить этот мир и не «падать в грязь». Но с горечью он признаётся нам, что сам в это не очень верит.

В стихотворении «Хлеб» поэт отдаёт дань русским женщинам, преклоняясь перед их тяжкой судьбой и нечеловеческими силами.

*Век от веку,
Родные,
Как водится,
Вам нельзя
Уставать и болеть!
Дорогие мои Богородицы,
Берегини российских полей...*

После освобождения наших сёл от фашистов, в деревнях оставались в основном женщины, старики и дети. А надо было жить, сеять хлеб, отстраивать разрушенное жильё, помогать фронту.

*Слёзы вдовьи
Везде одинаковы.
Но тогда,
Когда бился народ,
Вы по-русски,
Особенно плакали,
На сто лет выгорая вперёд.*

Машин не было совсем, а из тягла – только коровы. Обучить же корову ходить в упряжке было делом непростым, требовавшим больших сил и терпения. Но чаще всего не было и коров.

*Шаг за шагом
Без крика – безумия
На валёк налегали вдвоём...*

Женщины надевали на себя упряжь и, – как только не сходили с ума от нечеловеческих усилий, – тащили плуги, пахали землю. Поднять всю землю, конечно, было невозможно. Плохое качество семян, плохая обработка земли, многочисленные сорняки, несвоевременное проведение работ – все это сказывалось на урожае. В 1944 году и в пос-

ледующие годы были низкие урожаи, особенно в засушливые 1946–1947 гг.

Люди вспоминают, как работали «за палочки». Обычно на трудодень приходилось 200 – 300 г зерна и копейки деньгами, которые практически не платили. В основном жили за счет своего приусадебного участка. С него и питались, и платили налоги, а также военные займы. Но какие бы трудности и лишения ни переносили люди, они с ними мирились, так как понимали, что это нужно для победы над ненавистным врагом. А ради этой цели народ был готов на любые жертвы.

Невозможно спокойно смотреть на обветренные, иссохшиеся, в морщинах лица, на руки – в трещинах и мозолях, наших стариков, переживших войну и послевоенные годы. Когда представляю себе, как они впрягались вместо лошадей, тянули плуг, «на валёк налегая вдвоём», как месили грязь, как молотили снопы цепями, задыхаясь от пыли и от жары, я тоже хочу крикнуть: «За что?» И как небрежно сегодня мы относимся к хлебу! Моя бабушка говорила: «Ему, хлебу, обидно за то, что он так мало стоит». За такой труд надо много платить, а мы за цветные картинки-переводнушки платим больше. Нынешним летом я видела, как хлеб сгорел от засухи. В нашей деревне все женщины плачут и боятся, что будет голод. Они до сих пор боятся голода, считают, что это самое страшное. Они помнят рассказы своих родителей о голоде и о войне. Нам трудно их понять, но мы должны понять и помнить.

*До сих пор
Под железными зубьями
Разбивается сердце моё.
Бороздою
И пристяжью пройдено –
Тот не знает,
Кому не пришлось.*

*Не познав
Родословную Родины,
Не поймёшь
Родословную слёз.*

Чтобы понять «родословную слёз» Михаила Сопина, надо изучить и понять родословную своей Родины, её историю. А она полна драматичных разломов и поворотов.

Поэзия Михаила Сопина пронизана ненавистью к произволу, к насилию, но рядом с ненавистью живёт сострадание к униженным, отвергнутым. Он верит в человеческий разум. Обращение в стихах к Родине – это мольба и пророчество, мольба, вознесённая к нашему разуму.

*Не к разгулу я, край мой,
Не к бунту тебя призываю,
К состраданию, к свободе,
На исповедь кличу сердца.*

Он хочет нашего спасения, обнажая бесчисленные беззакония и преступления того времени, в котором ему пришлось жить – с 1931 по 2004 годы.

Михаил Сопин с болью и страстью призывает нас осмыслить, кто мы и зачем пришли на эту землю:

*Мы – родня на Земле.
И Земля нам на время дана.
На Голгофу идущих
Беру я душой на поруки.
Жизнь – одна.
И Любовь.
Кровь – одна.
И Свобода – одна.*

Михаил Сопин пытается открыть в тайниках нашего сердца нечто несравнимо высшее, что доступно нашим внешним чувствам, как будто предвещает нам грядущую силу, которая когда-нибудь станет нашей.

*В этом трепетном мире,
По сути своей не жестоком,
Осеняю признаньем
Травинки, тичужек, зверье.
Всех живущих прошу,
На все три стороны от востока:
Защитите Любовь!
Иль распните меня за нее.*

Он хочет нашего спасения, поминая всех, кто погиб, сострадав всем, кто пережил ужас войны и сталинские репрессии:

*Услышь своих, Россия, неотпетых,
Кто не дополз, упал, недодышал.*

Сострадание Михаила Сопина – это способность предчувствия бедствий, которые могут постигнуть других, это как пророчество для нас и будущих поколений.

*Неужель по команде:
«Зло кончилось! Будьте добрей!»?
Можно вывеску «Рай»
Нацепить на духовную пропасть?*

То, о чём пишет Михаил Сопин, прочитать нигде. Пока нигде. Придёт время, и мы дадим оценку XX веку, закончившемуся «агонией триумфа».

*Нет названья тому,
Что годами мы все создали!
Всем гигантский бы крест
На гигантской воздвигнуть горе...*

За нас и для нас «плакала» душа поэта. Они выживали. Но нам *жить!* Жить в этой стране, великой и ранимой. Он «стремился докричаться в Россию», то есть до нас. Ведь мы – и есть Россия!